

УДК 177.3:316.62

И. А. Беляев, доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
e-mail: igorbelyaev@list.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПАРАЗИТИЗМ В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Статья посвящена построению эскиза возможного воплощения в жизнь эвристических потенций философско-антропологического измерения социального паразитизма как атрибута межчеловеческого взаимодействия. Утверждается, что социальный паразитизм и социальный мутуализм представляют собой два взаимоисключающих варианта проявления субъектности индивида в процессах взаимодействия с другими людьми. Обращается внимание на многогранность и многомерность стратегии реализации социального паразитизма, на спорность представлений о полностью сознательном выборе человеком этого способа адаптации к жизни в обществе. Отмечается, что человек выбирает стратегию адаптации посредством социального паразитизма в первую очередь в связи с недостаточностью природно-органической составляющей присущих ему способностей для удовлетворения его потребностей. Выражается уверенность в приемлемости негативной этической оценки социального паразитизма и утопичности идеи повсеместной практической реализации категорического императива И. Канта. Обозначаются особенности использования лицемерия, лести и алтынничества теми людьми, паразитическая активность которых проявляется в криминальном, эксплуататорском и бюрократическом вариантах.

Ключевые слова: алтынничество, бюрократическая паразитическая активность, криминальная паразитическая активность, лесть, лицемерие, социальная адаптация, социальный мутуализм, социальный паразитизм, эксплуататорская паразитическая активность.

Введение

Что является собственно человеческим в существовании человека? История философской мысли знает множество ответов на данный вопрос, однако ни один из них пока не получил обоснования, которое, с точки зрения господствующих ныне парадигм, следовало бы признать теоретически и эмпирически безупречным. Убеждённые сторонники истинности каких-либо конкретных ответов могут, при желании, естественно, спорить практически бесконечно. Однако с утверждением о том, что собственно человеческое хотя бы частично определяется вовлечённостью человека во взаимодействие с другими людьми и находит воплощение в ней, согласится подавляющее большинство специалистов.

Межчеловеческое взаимодействие зачастую складывается спонтанно и оказывается несправедливым применительно к некоторой части вовлечённых в него индивидов. Концентрированным выражением несправедливости, возникающей и воспроизводящейся в рамках взаимодействия между людьми, является, в частности, социальный паразитизм. В настоящей статье социальный паразитизм рассматривается в философско-антропологическом измерении, что представляет собой исследовательскую инновацию.

Методология исследования

В процессе проведения настоящего исследования использовался комплекс методов рационально-

го познания. Методы, включённые в данный комплекс, делятся на две группы.

Первую группу составили анализ, синтез и экстраполяция, которые могут быть отнесены к числу сквозных общетеоретических методов. Осуществление аналитико-синтетических и экстраполятивных операций позволило скомпоновать информационную основу проводимого философского поиска и при необходимости обращаться к ней с должной мерой эффективности.

Во вторую группу вошли феноменологический, герменевтический, диалектический, критический и прагматический методы, являющиеся собственно философскими. Реализация потенций герменевтического метода выразилась в интерпретации представлений о социальном паразитизме, сформировавшихся в различных сферах социально-гуманитарного знания. Феноменологический метод, применённый в единстве его созерцательной и редукционной составляющей, позволил описать некоторые существенные черты социального паразитизма. Обращение к диалектическому методу сделало осуществимым учёт того, что отдельные социально-паразитические составляющие взаимодействия между людьми различным образом связаны между собой и постоянно развиваются. Критический метод дал возможность судить о необоснованности однозначно негативной оценки всех без исключения проявлений социально-паразитической стороны межчеловеческого взаимодействия. Применение прагматического метода явилось условием

эвристически ценного изложения полученных результатов и их обсуждения в интегрированном виде.

Результаты и их обсуждение

Очевидно, что взаимодействие между людьми, представляющее собой квинтэссенциальную сторону их жизни в обществе, вне зависимости от обстоятельств его развёртывания, характеризуется либо равенством, либо неравенством реальных и номинальных прав и обязанностей его участников. Подлинное равенство, разумеется, встречается нечасто, неравенство же вполне обыденно. Но в любом из возможных случаев стратегия участия индивида в межчеловеческом взаимодействии может быть воистину уникальной как в целом, так и применительно к свойственным ей деталям. Тем не менее, общая ориентация всякой стратегии такого рода обычно тяготеет к воплощению в одном из двух принципиально исключаящих друг друга типичных вариантов проявления субъектности использующего её индивида.

Один из вариантов, *социальный мутуализм* (термин мой – И.Б.), предполагает, что взаимодействие приносит настолько значительную пользу каждому из участников, что оказывается непременным условием их существования. Индивида, практикующего социальный мутуализм, вне зависимости от степени осознания им данного факта, в отдельных случаях может мотивировать то, что явится полезным либо исключительно ему самому, либо его партнёрам, всем или некоторым. Однако в конечном итоге процесс взаимодействия непременно принесёт любому из вовлечённых в него людей то, что необходимо для удовлетворения их собственных потребностей.

Масса показательных примеров социального мутуализма обнаруживается при анализе отношений между людьми, складывающихся внутри объединяющей их семьи. Семьям может быть свойственно практически бесконечное множество разновидностей взаимодействия их членов. Эти разновидности, с точки зрения внешнего наблюдателя, порой выглядят крайне странными, но в рамках каждой из них возникает и воспроизводится, распределяется и осваивается нечто, обеспечивающее продуктивное развёртывание природных, социальных и духовных процессов, составляющих жизнь людей и придающее ей то, что условно можно обозначить как целостное человеческое качество.

Другой вариант, о котором речь пойдёт далее – это *социальный паразитизм*. Согласно представлениям, получившим определённое распространение среди специалистов-обществоведов, социальный паразитизм есть «способ негативной социальной адаптации, при котором социальный субъект, имеющий возможность удовлетворить свои потреб-

ности самостоятельно, удовлетворяет их за счет использования чужих ресурсов (ресурсов другого человека, социальной группы, общества, государства), причем согласия тех, кто поставляет ресурсы, не спрашивается» [11, с. 17]. Судя по литературным данным, право считаться автором идеи, зафиксированной в процитированном суждении, принадлежит В.П. Киселёву (именно его упоминают и на опубликованные им материалы ссылаются [1], хотя и не всегда [10; 11], те, кто в своих работах воспроизводит эту дефиницию в её изначальном или же трансформированном виде).

С Киселёвым стоит согласиться в целом. Признание социального паразитизма способом социальной адаптации не только вполне приемлемо, но и эвристически ценно. Правда, сомнение вызывает однозначное приписывание этому принципиально поливариантному способу адаптации к жизни в обществе свойства негативности, де-факто обладающего понятиеобразующим характером. Дело в том, что подлинное положение вещей является здесь весьма непростым; во всяком случае, социальный паразитизм на фоне иных реалий межчеловеческого взаимодействия выглядит совсем не так, как чёрный квадрат на белом фоне на картине работы К. С. Малевича.

Анализ самых разных вариантов организации жизни общества свидетельствует о том, что ни один из них (пусть он и кажется кому-то едва ли не земным воплощением рая) не свободен от каких-либо проявлений социального паразитизма. Социальных паразитов можно найти в каждой из страт, присутствующих обществу, во всех этно-конфессиональных группах или профессиональных объединениях. Среди них встречаются даже воистину незаурядные люди. Так, по-настоящему крупные учёные, основная деятельность которых, казалось бы, весьма далека от социально-паразитических практик, порой оказываются вовлечёнными в их реализацию.

Д. В. Пивоваров, интерпретирующий идею Г. Лебона, критически анализирует феномен «обожествлённого» или «избранного» учёного. «Взобравшись на верхушку социальной пирамиды, научный гений, – как отмечает Пивоваров, – закрепляется на ней при условии постоянного заимствования продуктивных сил у людей, находящихся ниже» [13, с. 88]. Трудно не признать данное обстоятельство свидетельством того, что «избранному учёному» вовсе не чужд социальный паразитизм. И что же тогда остаётся делать его восторженным последователям, особенно если их интеллект скудноват, склонность к творческому поиску отсутствует, но научные лавры кумира (и, ещё больше, сопровождающее их обретение существенное расширение материальных возможностей) не дают покоя? Разумеется, эти квазиучёные индивиды тоже паразитируют, но обычно в гораздо меньшем масштабе, присваивая, как правило, безыскусно и беззастенчиво,

чи-то готовые идеи, тексты, формулы и чертежи, тем самым совершая деяния, неприемлемые с точки зрения законов, как писанных, так и неписанных. Замечу, что данные деяния зачастую осторожно, даже стыдливо именуется «некорректными заимствованиями», но могут быть квалифицированы юристами как плагиат. Впрочем, ни основательно отгородившиеся от реальности «избранные учёные», которым окружающие отдают своё едва ли не добровольно, ни их увлечённо крадущие, грабящие и мошенничающие коллеги-плагиаторы не являются социальными паразитами, получившими наибольшее распространение в обществе.

Авторы, целенаправленно исследующие социально-паразитических составляющих жизни конкретных обществ, на первый план выводят, как правило, общественно опасную деятельность, которая и с житейской, и с правовой точек зрения безусловно является преступной [1; 15; 16; 17]. К иным видам широко распространённых практик, имеющих социально-паразитический характер, допустимо относить всякую прямую эксплуатацию труда других людей, отчуждение большей части его плодов в пользу владельцев средств производства, а также косвенную эксплуатацию, выражающуюся в ростовщичестве и проживании доходов, получаемых с имеющегося капитала [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Надо упомянуть и о специфической активности (коррупционной и дисфункциональной), интегрирующей в себе признаки криминальной и эксплуататорской ориентации, которая присуща представителям бюрократического аппарата, причастным к осуществлению властных функций [12]. Паразитическую активность, реализуемую в её первом варианте, допустимо, отталкиваясь от идей, фигурирующих в статье М. А. Петрова, назвать криминальной, во втором – эксплуататорской, в третьем – бюрократической [12].

Использованию индивидом стратегии адаптации к жизни в обществе посредством социального паразитизма, то есть процессу социального паразитирования, свойственны многогранность и многомерность. При этом представители различных сфер социально-гуманитарного знания, демонстрирующие профессиональный интерес к данной стратегии, обычно сосредотачиваются на тех её гранях, которые, будучи вписанными в контекст конкретно-дисциплинарного измерения, производят впечатление однозначно доминирующих в жизни. Причём исследователи в большинстве случаев целенаправленно реализуют по отношению к социальному паразитизму такие измерения, как социально-философское, культурологическое, юридическое или же экономическое. Что же касается философско-антропологического измерения, то его потенциальные эвристические возможности обычно остаются неактуализированными. Стремление способствовать воплоще-

нию этих возможностей в жизнь во многом определило содержательные особенности настоящего исследования.

Стоит уточнить, что познание какого бы то ни было объекта с позиции философской антропологии предполагает детализацию его соотношения с человеком как природно-социально-духовной целостностью, характеризующейся специфическими сущностью и существованием. Более того, в ряде случаев даже осознанное стремление исследователя действовать вне философско-антропологических парадигм не избавляет его от необходимости учёта в своих изысканиях особенностей человека как уникального земного существа. Так, Л. Л. Штуден, рассматривающий обсуждаемый феномен с культурологической точки зрения, обнаруживает склонность людей к паразитированию на ближних, хотя её, казалось бы, быть не должно (по крайней мере, с позиции признания реальности органического единства, конкретно-деятельностной солидарности и социально-ролевой скоординированности всякого индивида со всеми иными человеческими существами, близкими ему генетически и входящими в родную для него социокультурную общность).

«Паразитизм в мире людей, – как вполне резонно утверждает Штуден, – отличается от паразитизма в мире остальных тварей одним очень существенным обстоятельством: никто из этих тварей не может играть роль паразита по отношению к особям своего биологического вида. “Венец творения” блистательно преодолевает этот барьер! Человек, как правило, паразитирует на человеке. Конечно, он паразитирует и на окружающей среде, но *социальный паразитизм* в его самореализации, как правило, преобладает» [15, с. 50]. Причём Штуден (нельзя не отдать ему должного!) прекрасно осознаёт, что приоритет в трактовке человека как паразита принадлежит не ему; об этом свидетельствует его обращение к представлениям о происхождении человека, характерным для мифологии Древнего Китая.

М. А. Петров заявляет, что выбор общественной роли социального паразита человек делает сознательно [12]. Надо полагать, что данный автор прав, но только частично. Дело в том, что выбор такого рода действительно невозможен без подключения сознания совершающего его человека. Однако человек может сначала осуществить акт выбора под влиянием сугубо внешних обстоятельств и только потом начать рефлексировать. При этом человек зачастую раскрывает для самого себя не столько суть выбора и мотивы, побудившие совершить его, сколько порождаемые им следствия.

Имеет смысл обратить внимание и на приемлемость негативной этической оценки социального паразитизма как такового. Правда, принципиальное согласие с этой оценкой не следует отождествлять с отказом паразитической составляющей

общественных процессов в праве на существование. Более того, попытки полностью изжить эту составляющую обречены на неуспех. Данное обстоятельство связано с тем, что взаимодействующие люди так или иначе используют друг друга для удовлетворения собственных потребностей; жизнь человека невозможна без хотя бы эпизодического отчуждения других людей от чего-либо. Поэтому вполне естественным будет отнести социальный паразитизм к числу атрибутов межчеловеческого взаимодействия, а категорический императив И. Канта [2] в контексте его повсеместной практической реализации признать заведомо утопичным.

Упомяну также и о том, что человечество пока не создало «весов», внедрение которых в реальную жизнь позволяло бы с абсолютной точностью соотносить обретенное человеком с отчужденным у него. Но даже если такое соотношение вдруг окажется возможным, то это не даст ничего конструктивного применительно к преобразованию спонтанного в межчеловеческом взаимодействии в целенаправленное и планомерное, а несправедливого – в справедливое.

Переходя к непосредственному изложению предлагаемого философско-антропологического варианта видения социального паразитизма, считаю нужным отметить, что выбор индивидом соответствующей стратегии взаимодействия с другими людьми определяется в первую очередь таким уровнем развитости и сформированности природно-органической составляющей его способностей, который явно недостаточен для удовлетворения присущих ему потребностей. Социальное паразитирование позволяет частично, в чём-то – исключительно иллюзорно компенсировать имеющийся дефицит способностей.

Всякое социальное паразитирование осуществляется с сугубо меркантильным использованием чувств людей, их убеждений, привязанностей, словом всего того, что в складывающихся обстоятельствах делает их уязвимыми, готовыми принять на себя какую-либо объектную роль. Характер процесса социального паразитирования в наибольшей мере детерминирован характером активности его субъекта. Соответственно этот процесс, с одной стороны, осуществляется посредством каких-то конкретных действий паразитирующего индивида, а также, с другой стороны, оказывается совмещённым, переплетённым в пространстве и во времени с иными его действиями. Данные действия, а также складывающиеся из них поступки, поведение в целом, зачастую воспринимаются окружающими его, близкими ему людьми как адекватно отражающие специфику складывающейся жизненной ситуации, вполне естественные и достойные совершаемых усилий. Это относится, в частности, к обычным для паразитирующего индивида дей-

ствиям по инспирированию всевозможных «подсказок на уроках» (в самом широком смысле этого словосочетания) со стороны тех людей, которые оказались в сфере досягаемости.

Что же касается основных форм социального паразитизма, то здесь имеет смысл, вслед за П. Г. Никитенко, вспомнить о финансовом паразитизме, а также о коррупции, мафии и преступности [10]. Конечно, данный перечень не может заменить полноценную типологию, однако его содержание достаточно чётко указывает на круг явлений, наличие и характер которых следует учитывать при осуществлении типологизации социального паразитизма.

Интересно заметить, что эвристически ценные мысли относительно конкретных вариантов социального паразитирования, избираемых склонными к нему людьми в соответствии со своими индивидуальными особенностями, были высказаны известным греческим философом Теофрастом, жившим ещё до начала нашей эры [14]. Он выделил и описал три варианта явного паразитирования на окружающих: лицемерие, лезть и алтынничество. Эти варианты, имевшие широкое распространение в античную эпоху, воспроизводились людьми на протяжении веков. В наши дни они часто применяются как в «чистом виде», так и в рамках интегрирующих их в себе комплексных манипулятивных технологий управления людьми.

Лицемерие, согласно Теофрасту, представляет собой неискренность, находящую проявление как на словах, так и на деле. Лицемер может, в частности, прикидываться жертвой сложившихся обстоятельств, злонамеренных действий других людей или же собственной наивности. В любом случае он старается убедить окружающих в своих мнимых слабости, незащищённости и обделённости чем-либо. Люди, пожалевшие лицемера, зачастую предоставляют ему те блага, ради обладания которыми и был разыгран акт самоуничтожения.

Лезть связывается Теофрастом с раболепием перед теми, кто обладает определённой известностью. Лестец – это тот, кто добивается чьей-либо благосклонности посредством его восхваления, угодливого преувеличения его заслуг и приписывания ему самых замечательных свойств. Подобно лицемеру, лестец обычно получает от людей то, что ему хочется.

Близость лицемерия и лести как относительно самостоятельных вариантов социального паразитирования очевидна. И в том, и в другом случае паразитирующий индивид располагает к себе других индивидов посредством внушения им уверенности в превосходстве над собой и в том, что сильный призван покровительствовать слабому. Поэтому стоит обратить внимание не только на совпадение целей и общестратегических ориентаций рассматриваемых вариантов социально-паразитического

участия в межчеловеческом взаимодействии, но и на наличие существенных различий между ними по набору составляющих их приёмов.

Алтынничество отличается от лицемерия и лести не только используемыми приёмами, но и целью, которая заключается в обогащении, принимающем подчас карикатурные формы. Стремление паразитирующего индивида поживиться за чужой счёт воплощается им в жизнь посредством совершения действий, являющихся отвратительными для большинства окружающих. Применение этого варианта социально паразитирования предполагает готовность индивида к постоянному поиску и реализации возможности присвоить себе хотя бы что-нибудь, имеющее ценность, представимую в денежном выражении. Не важно, какова эта ценность, пусть даже она настолько мала, что другие люди никогда бы не обратили на неё внимания; главное, чтобы она имела.

Термин «алтынничество», который фигурирует в русскоязычном эквиваленте подлинного текста Теофраста, представляется подобранным весьма уместно. Слово «алтын», имеющее тюркское происхождение, в нашей стране традиционно использовалось для обозначения монеты достоинством в три копейки. Что можно сегодня купить на три копейки? Ответ очевиден: ни-че-го! Трёхкопеечное «богатство» крайне ничтожно. Тем не менее, паразитирующий индивид, сосредоточившийся на иллюзорной компенсации недостающих способностей, в некоторой степени освобождается от беспокоящего его дискомфорта, обретая чувство уверенности в своей человеческой полноценности и жизненной успешности.

Рассмотрим некоторые существенные особенности применения лицемерия, лести и алтынничества теми паразитирующими индивидами, активность которых может квалифицироваться как криминальная, эксплуататорская и бюрократическая.

Криминальная паразитическая активность, реализуемая преимущественно посредством рассматриваемых способов явного паразитирования, воплощается в практике мошенничества. Лицемерие, свойственное криминально-паразитически активному индивиду-мошеннику, обнаруживается при рассмотрении любого комплекса совершаемых им действий. В сущности, именно лицемерие в его самом чистом, рафинированном виде есть не что иное, как наиболее весомая составляющая мироотношения мошенника и, как следствие, его поведения. Лесть, демонстрируемая этим индивидом, вносит, в сравнении с лицемерием, меньший вклад в процесс и результат его действий, направленных на обман или злоупотребление доверием тех, кто стал его жертвой. Алтынничество, присущее, несомненно, любому мошеннику, непосредственно проявляется довольно редко, однако значительная часть совершаемого им в жизни – это опосредо-

ванная реализация неутолимой жажды чужого, деятельное стремление присвоить его.

Эксплуататорская паразитическая активность раскрывается в двух формах: прямой и косвенной. В прямой форме, как следует из изложенного ранее, развёртывается практика эксплуатации экономически или иным образом закабалённых работников владельцами средств производства, в косвенной – практика, субъектами которой являются ростовщики и рантье. Во всех перечисленных случаях лицемерие, лесть и алтынничество присутствуют в мироотношении и поведении эксплуататора. Однако эти способы паразитирования находят применение за пределами взаимодействия с обычными людьми, составляющими большинство среди членов любого общества. Более того, в наши дни едва ли не полное отсутствие реального взаимодействия паразита-эксплуататора с рядовыми гражданами институализировано. К рассматриваемым способам паразитирования эксплуататор прибегает время от времени, в ходе взаимодействия с отдельными социальными образованиями, которые, с его точки зрения, олицетворяют общество в целом (по крайней мере, могут дать ему нечто ценное от его имени), а также с подобными себе индивидами.

Бюрократическая паразитическая активность имеет два вектора развёртывания, коррупционный и дисфункциональный, причём ассоциируемые с ними действия сопряжены между собой. Вне зависимости от того, какой из векторов определяет содержание конкретных действий паразита-бюрократа, каждое из них может быть носителем признаков лицемерия, лести и/или алтынничества. Содержание мироотношения и поведения бюрократа концентрированно выражается в склонности либо унижаться самому, либо унижать других. Взаимодействуя с вышестоящими руководителями, бюрократ лицемерит и льстит, стремясь создать впечатление о себе как о преданном стороннике и высокоэффективном работнике. По отношению же к иным людям, особенно оказавшимся в зависимости от него, бюрократ тоже может применить данные способы паразитирования. Но делается это лишь для того, чтобы либо избежать исполнения своих служебных обязанностей, либо побудить человека выплатить «административную ренту» в свою пользу. Что же касается алтынничества, то именно оно зачастую выступает фактором, конфигурирующим компоненты содержательного наполнения мироотношения и поведения паразита-бюрократа.

Заключение

Социальный паразитизм, представляющий собой вариант проявления субъектности индивида, участвующего в межчеловеческом взаимодействии, способ его адаптации к жиз-

ни в обществе, может и должен исследоваться в контексте антропологических конфигураций современной философии. Эвристические потенции философско-антропологического измерения социального паразитизма никоим образом не исчерпываются изложением и обсуждением идей, фигурирующих в настоящей статье. Полагаю,

что к числу приоритетных направлений дальнейших изысканий могут быть отнесены выявление места и роли социального паразитизма в антропогенетических процессах, в формировании самоидентичности человеческого существа и в функционировании феноменов человеческой субъективности.

Литература

1. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм : стратегии «негативной адаптации» / Е.С. Балабанова // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 46-57.
2. Кант, И. Метафизика нравов в двух частях. 1797 / Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 107-438.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1960. – Т. 23. – 908 с.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 24. – 649 с.
5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 25, ч. 1. – 546 с.
6. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1962. – Т. 25, ч. 2. – 552 с.
7. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1962. – Т. 26, ч. 1. – 477 с.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1963. – Т. 26, ч. 2. – 704 с.
9. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1964. – Т. 26, ч. 3. – 675 с.
10. Никитенко, П.Г. Профилактика социального паразитизма – важнейший нравственный антикризисный способ жизнедеятельности / П.Г. Никитенко // Никитенко, П.Г. Антикризисная модель жизнедеятельности Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2009. – С. 144-168.
11. Орлова, Е.В. Феномен социального паразитизма в современном обществе : социально-философские аспекты : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е.В. Орлова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.
12. Петров, М.А. Социальный паразитизм : сущность и типология (к постановке проблемы) [Электронный ресурс] / М.А. Петров. Режим доступа: <http://scipeople.ru/publication/66646/>
13. Пивоваров, Д.В. О сциентистском культе «избранного учёного» / Д.В. Пивоваров // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – Т. 14. – № 3. – С. 85-91.
14. Теофраст. Характеристики / Теофраст // Парадоксы души. – Симферополь : «Реноме», 1998. – С. 9-34.
15. Штуден, Л.Л. Социально-культурный паразитизм / Л.Л. Штуден // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 2. – С. 50-51.
16. Штуден, Л.Л. Социально-культурный паразитизм / Л.Л. Штуден // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 3. – С. 35-38.
17. Штуден, Л.Л. Социально-культурный паразитизм / Л.Л. Штуден // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 1. – С. 96-100.